

К.М.Станюкович. «Морские рассказы» //Издательство «Художественная литература», Москва, 1973
FB2: "Ustas ", 2006-08-04, version 1.0
UUID: 9E68EB7D-1C03-4DC8-814C-1B13FE100416
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Товарищи
(«Морские рассказы» #0)

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0015
III.....	.0026
IV.....	.0033
V.....	.0044
VI.....	.0049
VII.....	.0054
VIII.....	.0060
IX.....	.0065
X.....	.0070

**Константин Михайлович
Станюкович
Товарищи**

В этот жаркий ноябрьский день на «Кречете», стоявшем на рейде Гонконга, было особенное возбуждение.

Ждали прихода в Гонконг нового начальника эскадры, контр-адмирала Северцова.

Матросы, взволнованные и серьезные, таинственно шушукались на баке, разбившись кучками.

Переходя от одной к другой, пожилой и степенный фор-марсовой Аким Васьков уверенным и ободряющим голосом, пониженным до шепота, говорил:

— Он, братцы, произведет разборку! Он дознается! Только не трусь, ребята! Поддержи по совести, как я всю правду обскажу: «Так, мол, и так, ваше превосходительство!»

Только что окончена была генеральная чистка и «приборка». Клипер «Кречет» так и сверкал на солнце блеском меди орудий, поручней, люков и компаса. Труба была белоснежна. Борты заново выкрашены. Рангоут выправлен на славу. Палуба безукоризненна. О том, что на смотре не подгадят работами,

нечего и говорить.

А между тем капитан, старший офицер, ревизор, старший механик и два вахтенные начальника, видимо, были встревожены. Испуганно притихшие, они сегодня не били матросов и не ругались с обычной виртуозностью.

Адмирал шел на корвете «Проворном», вызванном телеграммой в Сингапур неделю тому назад. Только из этой телеграммы на «Крежете» узнали о новом начальнике эскадры и его неожиданно скором приезде из России.

«Нового» не знали.

Никто раньше с ним не служил. После службы в черноморском флоте и оставления Севастополя Северцов несколько лет был морским агентом за границей и тридцати семи лет, только что произведенный в контр-адмиралы, был назначен начальником эскадры.

Быстро делавший карьеру, обогнавший многих старших по службе, Северцов, по кронштадтским слухам, был хладнокровный, сдержанный, молчаливый и строгий человек, особенно преследующий злоупотребления, и хороший моряк. Передавали, что он не «раз-

носит» офицеров, но придиричиво требователен и служить с ним нелегко. Говорили, что он имеет состояние и потому относительно независим и служит из честолюбия. В последнее время на эскадру дошли слухи, будто бы Северцов подавал высшему морскому начальству докладную записку о необходимости реформ во флоте.

Знал Северцова только капитан «Кречета» Пересветов. Они были товарищи. Но Пересветов знал товарища только в корпусе. После выхода в офицеры служба их разлучила, и они не встречались.

Пересветов хоть и помнил, что Северцов в корпусе был хорошим товарищем, тем не менее очень волновался приездом товарища-адмирала, слухи о котором были не особенно утешительны для капитана, который более чем фамильярно относился к счетам по поставкам угля и провизии. Положим, он пользовался скидками на счетах единственно потому, что был образцовый муж и отец и желал кое-что припасти для семьи; сам он отличался скромностью своих потребностей и был расчетлив до скупости, — но все-таки едва ли

будут приятны объяснения с товарищем-адмиралом, если бы обнаружались как-нибудь его семейные заботы.

«Уж слишком высоки были цены по счетам», — думал теперь Егор Егорович, почесывая свою лысину, и о чем-то конфиденциально шептался с ревизором, лейтенантом Нерпиным.

— Не беспокойтесь, Егор Егорыч... Все по форме... Не к чему придраться. Консулы удостоверяли цены. Чем же мы виноваты, если цены высоки! — успокаивал капитана молодой лейтенант, прокучивавший в портах шальные деньги. — И, наконец, откуда может узнать начальник эскадры? Разве мы, Егор Егорыч, делаем злоупотребления? Мы пользуемся не от казны, а от поставщиков... И многие капитаны и ревизоры так делают... Точно уже оно такой секрет... Никто за такие безгрешные доходы не попадал под суд, Егор Егорыч. Может, и новый адмирал, когда был капитаном, знал, где раки зимуют. Он богач, — ему не нужны деньги, а ревизору у него, вероятно, были нужны, Егор Егорыч!

И лейтенант так добродушно рассмеялся, и

в его веселых серых глазах сверкала такая беззаботная уверенность, что капитан несколько успокаивался, и в его голове проносилась мысль: «Все-таки Северцов — товарищ и не станет придираться».

— А вы, Александр Иванович, впредь будьте осторожнее.

— Есть, Егор Егорыч!

Но ни одни только счета пугали трусливого капитана. Тревожило его и «несколько строгое» обращение с матросами, как деликатно называл Пересветов нещадную порку людей, и, главное, это недавнее наказание матроса Никифорова, которого пришлось отправить на берег в госпиталь после трехсот линьков.

Капитан очень дорожил старшим офицером, который был настоящим помощником и действительно «собакой» и который так вышколил команду, что «Кречет» был образцовым судном и работали на нем превосходно; но теперь капитан вдруг стал находить, что Леонтий Петрович чересчур увлекается... Вот этот случай с «подлецом» Никифоровым... Что, если адмирал узнает? Может выйти це-

лая история...

И капитан, толстый, с изрядным брюшком, небольшого роста, лысый и «мордастый», с маленькими бегающими глазками, с большими усами полного, рыхлого и бритого, несколько бабьего лица, еще более струсил при мысли о приходе этого молчаливого товарища-адмирала («Черт знает, каким он стал теперь!») и о матросе Никифорове, который так некстати опасно заболел после недавней порки.

Ввиду неизвестности, что будет, капитан, казалось, еще более затосковал о жене и своих трех детях. По крайней мере, он несколько раз взглядывал на фотографии, висевшие в его каюте, вздыхал, торопливо крестился и снова ходил мелкими беспокойными шагами по клеенке.

— Леонтья Петровича позови! — крикнул он вестовому.

— Что прикажете, Егор Егорыч? — с почти-тельной официальностью, довольно сухо спросил старший офицер.

Он был еще более хмур, желт и раздражен, чем обыкновенно, этот худощавый, высокий

блондин с светло-русыми баками и усами, мученик службы и дисциплины, беспрекословный исполнитель и один из тех «собак» — старших офицеров, который, не зная отдыха, заботился о безукоризненном порядке и умопомрачающей чистоте «Кречета», вечно «собачился» и, самолюбивый службист, наводил страх на матросов беспощадною строгостью, чтобы судно было в порядке и чтобы капитан не мог быть недовольным лихими работами команды.

— Присядьте, Леонтий Петрович. Как Никифоров? Посылали сегодня в госпиталь справиться? — тревожно спросил капитан.

— Плохо-с, Егор Егорыч. Доктор ездил! — угрюмо ответил старший офицер, присаживаясь в кресло.

— Что с ним?

— Скоротечная чахотка.

— Быть может, прежде был болен?

— Что уж тут обманывать себя: просто заболел от наказания. Запороли, Егор Егорыч!

— Эх, Леонтий Петрович!.. Не похвалят нас, если адмирал узнает.

— Очень даже... Можно и под суд по-

пасть! — с мрачною правдивостью промолвил старший офицер.

— И как это вы так наказали матроса, Леонтий Петрович? — проговорил капитан с видом сокрушения и досады.

Баклагин взглянул в глаза капитана, и во взгляде старшего офицера промелькнуло изумление и презрительное негодование.

И Леонтий Петрович сказал:

— Доктор говорил, что трехсот линьков нельзя, и я доложил вам, а вы приказали исполнить ваше распоряжение, наказать Никифорова.

— Я, кажется, не приказывал запороть человека, Леонтий Петрович!..

— Конечно, я виноват-с, что буквально исполнил приказание капитана... Я и не стану отпираться.

— Но, бог даст, вам не придется, Леонтий Петрович. Можно попросить доктора... Он доложит, что... что Никифоров заболел не от наказания... Скажите доктору...

— Уж говорите об этом доктору сами!.. — негодуяще вымолвил старший офицер.

— И, наконец, адмирал может и не

узнать... Не правда ли, Леонтий Петрович?

— Узнает.

— Почему?

— Команда заявит претензию...

— Верно, скотина Васьков мутит?

— И он, да и все недовольны...

— Так как же вы довели до этого команду?

— Вы думаете, один я?.. Ведь пиццей недовольны, Егор Егорыч... Я думаю, будут претензии на вас и на ревизора... По слухам, новый адмирал... справедливый человек... И песня моя спета! — неожиданно прибавил Баклагин с каким-то равнодушием отчаяния...

— Не отчаивайтесь, Леонтий Петрович... Северцов все-таки — мой товарищ... Я доложу, какой вы отличный старший офицер...

— Очень вам благодарен, Егор Егорыч. Не беспокойтесь... Я все-таки буду проситься в Россию и... выйду в отставку, не ожидая, что выгонят... за то, что я безусловный исполнитель... Больше я не нужен, Егор Егорыч?

— Да что с вами, Леонтий Петрович?.. Я думал, вы меня успокоите, а вы...

— Валите теперь все на меня, Егор Егорыч?.. Быть может, ваш товарищ и удовлетво-

рится вашими объяснениями о матросе Никифорове... Да, кажется, он скоро и помрет и не пожалуется...

С этими словами старший офицер ушел и, казалось, только теперь понял, что Пересветов не только плохой моряк и отчаянный казнокрад, но и трус, готовый ради спасения шкуры свалить свою ответственность на своего подчиненного, которого так лицемерно уверял в благодарных чувствах.

Баклагин, этот рыцарь исполнительности и строгости, не ожидал такого предательства от капитана, обязанного отвечать за все на вверенном ему судне.

И Никифоров, умирающий в Гонконге, и подлец капитан, чуть ли не отрекавшийся от своего беспощадного приказания, не выходили из головы старшего офицера. И он с угрюмой тоской думал о позоре суда.

Ведь он видел, что последние удары линьков ложились на синюю спину уже бесчувственного, притихшего человека. Он мог остановить истязание!

До такой исполнительности он еще не доходил в течение своей морской службы!

В пятом часу дня корвет «Проворный» под адмиральским флагом на крьюйс-брам-стеннге вошел, попухивая дымком, на гон-конгский рейд и стал на якорь вблизи от «Кречета».

Капитан в полной парадной форме только что хотел идти на вельбот, чтобы ехать к адмиралу с рапортом, как сигнальщик доложил вахтенному офицеру, что адмирал отвалил от борта.

— К нам? — спросил капитан, возвращаясь от парадного трапа.

— К нам! — ответил молодой вахтенный офицер, взглянув на адмиральский вельбот.

Капитан рассчитывал поговорить наедине с адмиралом и «подготовить» его на всякий случай по-товарищески к строгости с командой старшего офицера. И, почти растерянный, он снова вернулся к трапу и приказал выстроить команду во фронт, вызвать караул и господ офицеров для встречи адмирала.

Через несколько минут, среди мертвой тишины, на палубу клипера вошел адмирал с

новым флаг-офицером и приостановился, чтобы выслушать обычный рапорт вахтенного офицера.

— На клипере все благополучно! Воды в трюме — один дюйм. Больных нет.

Вслед за вахтенным офицером Пересветов с особенной служебной аффектацией подчиненного проговорил несколько взволнованным голосом, причем приложенные к трюголке короткие, толстые пальцы слегка вздрагивали:

— Честь имею донести вашему превосходительству, что на вверенном мне клипере все обстоит благополучно.

— Здравствуй, Егор Егорыч. Давно не видались! — проговорил адмирал, пожимая руку капитана.

С этими словами он направился к офицерам, выстроенным на правой стороне шканцев.

Невысокий, худощавый, без импонирующего адмиральского вида завязанного моряка, а напротив, скромный и простой, не производивший впечатления строгого начальника своим серьезным, моложавым и довольно

красивым лицом с темно-русскими бакенбардами и усами, он несколько застенчиво, краснея, подавал каждому офицеру свою маленькую руку в белой перчатке.

Не промолвив никому ни одного из тех любезных или внушительных слов, которыми считают нужным начальники при первой встрече «ободрить» подчиненных, Северцов пошел к выстроенной по обеим сторонам шкафута команде.

Без той молодцеватости в посадке и безычности в голосе, какими обыкновенно приветствуют матросов адмиралы, — «новый» без всякой внушительности и далеко не громко произнес обычные слова:

— Здорово, ребята!

— Здравия желаем, ваше превосходительство! — ответили матросы.

Но в этом ответе не было того громкого и веселого возгласа полтораэта голосов, какой бывает обыкновенно на судах.

Адмирал заметил это. Заметил и напряженно-взволнованные лица людей.

По-прежнему молча спустился адмирал в палубу, молча и внимательно осматривал

кубрик, шкиперскую и баталерную каюты, камбуз, заглядывал в некоторые офицерские каюты и только спросил врача, заглянув в пустой лазарет:

— И на берегу нет больных?

— Есть, ваше превосходительство. Матрос Никифоров в госпитале.

— Что с ним?

— Скоротечная чахотка.

— Опасен?

— Очень.

Адмирал пошел дальше, направляясь в машинное отделение.

От сердца капитана отлегло. Северцов, по-видимому, удовлетворился ответом.

И, сопровождая адмирала, Пересветов подумал: «Северцов не такой, как о нем слухи. Не будет придираться. И не к чему! Клипер — игрушка. И, если будет претензия, — он не поднимет истории. Все-таки товарищ, и крепко пожал руку, и не задается... Простой... И из-за чего ему так фартит!» — пробежала завистливая мысль.

Снова ни слова не говоря, адмирал осмотрел машинное отделение, залезал в коридор

винтового вала, в трюм и, наконец, поднялся наверх и взошел на мостик.

Кажется, все в порядке, а он молчит, и неизвестно, доволен ли он или нет.

Это молчание беспокоило и капитана, и старшего офицера, и механика, и ревизора.

Адмирал сделал несколько учений. Смотрел и перемену марселей, и пожарную тревогу, и десант, и многое другое.

И ни слова.

Только во время артиллерийского учения подходил к офицерам, заведующим батареей, и интересовался:

— Как угол обстрела вашего орудия? Какова дальность полетов снаряда?

Моряки не умели ответить и конфузились. Никто об этом не спрашивал.

— Надо узнать! — тихо говорил адмирал, чтобы не слышно было замечания.

Адмирал, видимо, не понравился. Все только смотрит, такой серьезный и молчаливый и будто не радуется, что матросы отдают и крепят паруса с поразительной быстротой.

Раскрасневшийся и вспотевший капитан ждал, что хоть после учения, блестящего па-

русного учения, на котором матросы летали по вантам и разбегались, словно обезумевшие, молчаливый и серьезный Северцов заговорит и похвалит.

Но вместо того он тихо проговорил капитану:

— Напрасна такая быстрота.

Пересветов вытаращил изумленные глаза. Однако почтительно промолвил:

— Слушаю-с, ваше превосходительство!

— Все эти... эти фокусы — дурная старая привычка. И для дела бесцельны... И люди рискуют упасть! — прибавил Северцов, словно бы желая пояснить свое замечание.

— Точно так, ваше превосходительство! Ваше приказание будет свято исполнено, ваше превосходительство! — угодливо поддакнул ошалевший капитан.

Северцов пристально взглянул на товарища и густо покраснел. Что-то брезгливое мелькнуло в серьезных серых глазах адмирала.

— Прикажи собрать команду и удались вместе со всеми офицерами.

— Есть!

И Пересветов перешел к старшему офицеру, бледному и мрачному, стоявшему у компаса.

— Людей во фронт!..

— Есть!

— Леонтий Петрович! — чуть слышно, упавшим голосом прибавил растерянный капитан.

— Что-с?

— Уговорите Васькова... Скажите: сделаем унтер-офицером, если не будет претензий...

— На такую... подлость я не способен, Егор Егорыч! — зло прошептал старший офицер.

И словно бы обрадованно крикнул:

— Команда, во фронт!

Капитан и все офицеры спустились в каюты. Только вахтенный офицер, юный мичман Аркадьин, остался на мостике и, радостно взволнованный, посматривал на адмирала, остановившегося вместе с флаг-офицером посредине фронта.

«Узнает ли он наконец, что у нас творится?» — думал мичман.

Капитан стоял под приподнятым люком своей роскошной каюты, в которой еще

недавно благодушествовал и чувствовал себя редким, заботливым мужем и отцом, когда подсчитывал, сколько «сбережения» привезет он домой. Уже тысячу двести фунтов отложил, и еще целый год впереди покупка угля и провизии. «Нельзя „дурака строить“, если семейный и предусмотрительный человек, и многие не зевают на брасах», — не раз думал Пересветов, подписывая счета и получая от ревизора свою львиную долю.

Теперь Егор Егорович напряженно прислушивался к тому, что покажут матросы («И какая свинья Баклагин!» — подумал капитан), прислушивался, и испуг перед серьезными неприятностями все более и более охватывал его сердце вместе с завистливою злобой к этому товарищу, желающему выскочить перед высшим начальством. «Тихоня, молчит, а выдумал что? „Напрасна быстрота“. Где это слыхано?.. Он, слава богу, двадцать пять лет служит, и везде порют, чтобы матросы работали летом, а Северцов — новые порядки. Скотина какая, а еще товарищ... Ни слова благодарности за порядок на клипере... Молчит... Того и гляди, напакостит мне... Испортит карьеру...»

Мысль эта гвоздила Пересветова. Он мало-душно трусил и старался возбудить себя надеждой на объяснение с Северцовым. «Он поймет, что у него семья... Он поверит, что не по вине командира Никифоров так наказан. И эти высокие цены... Он ни при чем... Ревизор делает покупки... Ведь товарищ же он... Не посмеет утопить товарища...»

И Пересветов торопливо крестился, умоляя господа бога, чтобы адмирал оказался порядочным товарищем и не поднимал бы истории из-за матросских претензий... Пусть уберут Баклагина, и на клипере не будет порки...

В кают-компании царило подавленное молчание.

Старший офицер свирепо курил папиросу. Два лейтенанта, особенно расточительно наказывавшие матросов, вспомнили, что незаконно наказывали даже унтер-офицеров. Сам ревизор, обыкновенно развязный и болтливый, притих, подумав, что еще не роздал матросам жалованья за прошлую треть. Был в меланхолии и старший механик Подосинников. Невесело глядел и доктор Моравский.

Только старый штурман и его помощник

да несколько молодых мичманов без страха ожидали конца смотра нового адмирала.

— Никого не разнес... Редкий адмирал!.. — одобрительно промолвил один из мичманов, обращаясь к старшему штурману Василию Андреевичу, пожилому и коренастому плотному человеку с красноватым лобастым лицом, заросшим черными, едва пробритыми бакенбардами и густыми усами.

— Д-да... Кажется, серьезный человек. Не кипятится... Не болтает на ветер и не куражится: «Я, мол, молодой адмирал!» — ответил сам серьезный, основательный и добросовестный служака, «имеющий правила», как говорил Василий Андреевич про людей, которых считал порядочными.

И, помолчав, прибавил:

— Небось разберет основательно претензии. То-то капитан в тревоге. Еще какая выйдет история... Что обнаружится...

— Какая история? Что именно обнаружится?.. — резко и вызывающе спросил ревизор Нерпин, услышавши тихий разговор штурмана с мичманом.

— Многое-с! — сухо ответил Василий Ан-

дреевич.

— Например-с?

Штурман хотел было ответить, как с дивана вдруг мрачно и резко выпалил старший офицер:

— А хоть бы болезнь Никифорова, которого заporоли... А гнилое масло у матросов?.. А... Да мало ли что... Или вы ничего не помните, Александр Иванович?

Ревизор принужденно засмеялся. Мичманы изумленно взглянули на старшего офицера, который присутствовал при наказании Никифорова, и опустили глаза. Все молчали. Снова наступила в кают-компании тяжелая напряженность.

Среди мертвой тишины на палубе «Кречета» раздался негромкий, слегка басоватый голос адмирала:

— Есть ли какие-нибудь претензии, ребята?

И его серьезные глаза оглядывали особенно насупившиеся и встревоженные лица матросов...

Прошла секунда, другая, и из фронта вышел пожилой, побледневший матрос Аким Васьков и, остановившись перед адмиралом, проговорил:

— Имею претензию, ваше превосходительство!

— Как твоя фамилия?

— Васьков, ваше превосходительство.

— Говори...

— Мочи нет терпеть, ваше превосходительство. Вовсе нудно от дёрки и боя, ваше превосходительство... За всякий пустяк наказывают... Господин капитан и старший офицер, ровно с арестантами, обращаются и наказывают, можно сказать, без всякого закона...

Недавно пороли матроса Никифорова, когда уж он в омертвлении был... И, когда пришел в чувство, его отправили в госпиталь, и там он помирает, ваше превосходительство... И за треть левизор жалованья не выдает... Просил — так говорил: потом, мол... Шесть месяцев не выдают, ваше превосходительство. И, осмелюсь доложить, харч неправильный. Извольте обследовать мою претензию, ваше превосходительство.

— Я разберу... У кого еще претензия, ребята? — спросил адмирал.

Тогда сразу вышло несколько десятков матросов. Они заговорили сразу.

— По очереди! — промолвил адмирал.

Лицо его по-прежнему было серьезно и спокойно.

Все говорили почти одно и то же, что докладывал Васьков.

Жаловались на безмерную порку, если на секунду опоздают марсовые крепить или отдавать паруса, и на «бой с повреждением»; жаловались на гнилое масло, на тухлую солонину, на порченные овощи...

Претензию заявило человек сорок.

Адмирал терпеливо выслушал жалобы, и когда последний жалобщик окончил, Северцов сказал:

— Все претензии будут рассмотрены, ребята.

— Покорно благодарим, ваше превосходительство! — гаркнули вдруг весело матросы, как один.

— Защитите, ваше превосходительство! Прикажут за претензии отодрать до бесчувствия! — раздался вслед за окликом голос Васькова.

— Васьков, подойди!

Матрос вышел из фронта.

— Ты сейчас говорил?

— Точно так, ваше превосходительство!

— Почему ты предполагаешь, что тебя накажут?

— В прошлом году обсказывал на смотре такие же претензии начальнику эскадры, и как они изволили уехать, мне было дадено двести линьков, ваше превосходительство. В лазарет снесли опосля...

— За твои претензии не накажут. До свидания, ребята! — проговорил адмирал.

— Счастливо оставаться, ваше превосходительство! — крикнули матросы...

До капитана дошли некоторые жалобы. Он слышал эти веселые окрики и, совершенно растерянный, вышел наверх. Адмирал попросил вахтенного офицера велеть подать адмиральскую гичку к борту.

Все офицеры были во фронте, и караул вызван для проводов начальника эскадры.

Он подошел к капитану и отвел его к корме.

— К сожалению, я слышал очень серьез-

ные претензии! — совсем тихо и снова несколько не меняя своего покойного тона, сказал адмирал.

— Я слышал, ваше превосходительство, как команда бунтовала, стараясь...

— Если претензии справедливы, — тогда твое счастье, что команда и не подумала бунтовать... Матрос Никифоров засечен?

— Старший офицер недоглядел, ваше превосходительство...

— А мне не сказали, что есть больной в госпитале...

— Он на берегу...

— Попрошу тебя не наказывать людей за подачу претензий... И ты поймешь, что я вынужден просить тебя и старшего офицера съехать сегодня же на берег и ожидать окончания дознания... Завтра дознание начнется...

— За что же, ваше превосходительство? — почти умолял капитан. — Обращаюсь к товарищу... Не губи меня... Позволь объясниться с тобой наедине...

— Я попрошу к себе на корвет, я выслушаю тебя... Приезжай после сдачи клипера. Об этом получишь приказ.

С этими словами Северцов повернул к шканцам, сделал общий поклон офицерам, протянул руку капитану и отвалил от борта.

— На корвет! — проговорил адмирал, обращаясь к флаг-офицеру, севшему на руль.

Через полчаса адмирал в статском платье ехал на своем вельботе по направлению к городу.

— Верно, едет в госпиталь навестить Никифорова! — заметил мичман на вахте, обращаясь к своему товарищу, подошедшему поясничать о событии, о неожиданном отрешении от должностей капитана и старшего офицера.

— Если только застанет Никифорова в живых! — вдруг раздался из-под мостика необыкновенно суровый и в то же время тоскливый голос старшего офицера.

Капитан о чем-то шептался с ревизором в своей каюте, пока вестовой его укладывал чемоданы и сундуки. Сборы Баклагина не беспокоили его. Они — знал он — недолги.

К семи часам адмирал вернулся с берега. Вскоре на катере приехали с вещами старший офицер и первый лейтенант с флагман-

ского корвета, чтобы в звании временных капитана и старшего офицера «Кречета» принять клипер. Они передали отрешенным адмиральский приказ по эскадре и передали словесную просьбу адмирала — пожаловать капитану после ответа на допросные пункты.

В десятом часу вечера, когда уже команда спала, сперва Пересветов, а потом Баклагин оставили клипер и уехали в Гонконг. Оба остановились в одном отеле.

IV

Следственная комиссия под председательством командира адмиральского корвета окончила дознание, в все дело было представлено Северцову.

Ранним утром сидел он над ним в своей роскошной адмиральской каюте и внимательно прочитывал вороха исписанной бумаги.

Адмирал наконец окончил последний лист.

Дознание вполне выяснило, что на «Кречете» никто не чувствовал себя человеком, до того жестоко было обращение с командой. Особенно была значительна объяснительная записка бывшего старшего офицера Баклагина. Она еще с большею беспощадностью раскрывала тяжелое положение матросов, чем показания самих жертв. В этих показаниях чувствовалась как бы недосказанность и смягченность, словно бы уже счастливые, что избавились от капитана и старшего офицера, они не хотели губить их и ежели и не прощали им, то, во всяком случае, готовы были ща-

дить их.

Никифорова адмирал не застал в живых. Но Баклагин описал возмутительную картину наказания, а матросы словно бы не хотели класть настоящие краски.

Особенно удивило Северцова данное комиссии показание Васькова.

Этот часто наказывавшийся матрос, на словах ненавистник капитана и старшего офицера, был удивительно сдержан в своих показаниях. Он даже скрыл, что после какого-то резкого ответа он получил триста линьков и пролежал месяц в лазарете. Скрыл он и то, что у него было надорвано ухо и вышиблено несколько зубов.

Обо всем этом с педантической подробностью было указано в записке старшего офицера, а потерпевший словно бы щадил мучителя.

Кроме несомненных фактов жестокости, не вызываемой даже серьезными поводами, дознание обнаружило и самые наглые злоупотребления.

Оказывалось, что Пересветов, товарищ адмирала, был в стачке с ревизором и механи-

ком по казнокрадству, а ревизор — уже один обкрадывал матросов.

«Я им покажу! — подумал адмирал, убежденный, что он покажет отменный пример силы закона, если отдаст под суд нескольких офицеров. — Пусть виноватый — не только товарищ, а хоть бы брат: не пощажу!» — решил молодой адмирал и сам восхитился своим нелицеприятием.

И тем не менее бесспорно жестокий старший офицер находил в его уме какое-то снисхождение...

— Николаев!

В каюту вошел белобрысый матрос, только что назначенный вестовым к адмиралу.

— Попроси сюда флаг-офицера!

— Есть!

Через минуту в каюту вошел Охотин, приехавший с новым адмиралом из России; Северцов взял его флаг-офицером по рекомендации одного приятеля.

— Что прикажете, ваше превосходительство?

— Попросить сигналом ревизора «Кречета».

Охотин направился из каюты, как Северцов окликнул:

— Владимир Сергеич!

— Есть, ваше превосходительство.

И, сразу «осадив» и красивой, легкой походкой приблизившись к адмиралу, пригожий и румяный, черноволосый с маленькими усиками флаг-офицер смотрел в глаза Северцова серьезно, внимательно и спокойно, стараясь во всем подражать своему начальнику. Даже и говорил тихо и сдержанно.

— Когда сделаете сигнал, поезжайте на берег на моей гичке и пригласите от моего имени Пересветова приехать сейчас.

— Есть! А если не застану дома? Прикажете оставить записку, ваше превосходительство?

— Непременно. И зайдите к Баклагину. Попросите его приехать ко мне после полудня.

— Слушаю-с. Больше никаких приказаний, ваше превосходительство? — осведомился Охотин, точно щеголяя и своим бесстрастным видом, и своею предусмотрительностью.

— Нет, Владимир Сергеич!

Северцов снова задумался и лениво отхле-

бывал чай.

И наконец спокойно, решительно, с довольным сознанием рыцаря служебного долга, не останавливающегося ни перед чем, прошептал:

— Лес рубят — щепки летят!

Несомненно, что в щепках адмирал видел виноватых людей, по-видимому, не испытывая к ним ни снисхождения, ни жалости.

И когда его превосходительство решил в своем уме, как он искоренит безобразия на эскадре, если и на других судах увидит что-нибудь подобное, что увидел на «Кречете», и окончил пить чай, — в комнату вошел ревизор.

Бледный, далеко уж не с наглыми и смеющимися глазами, молодой и щеголеватый лейтенант Нерпин сделал несколько шагов и, поклонившись адмиралу, которого теперь ненавидел как виновника своего несчастья, проговорил упавшим голосом:

— Честь имею явиться, ваше превосходительство!

Адмирал слегка наклонил голову, но руки не протянул.

И Нерпин сделался еще бледней.

— Из показаний видно, что вы вместе с капитаном при посредстве консулов получали в свою пользу деньги, остававшиеся от разницы между фиктивной и действительной ценою... Вы отрицали это в своих показаниях... А между тем и капитан с механиком сознались... Кроме того, матросы показали, что им выдавалась скверная провизия... Вы остаетесь при прежних показаниях? — спрашивал Северцов тихо и, казалось, нисколько не волнуясь.

— Нет. Все правда, ваше превосходительство.

— Что вас вынудило? Были какие-нибудь особенные причины?

— Никаких. Кутил, ваше превосходительство! Да и многие ревизоры и капитаны пользуются доходами и за это не обвинялись... И я не считал, что делаю преступление. Я только пользовался процентными скидками!.. Казна ничего не теряет...

— Не теряет? А более дорогие цены? А дурная провизия матросам?

— Цены даются консулами. А провизия

редко бывала дурной...

Адмирал поднял глаза на Нерпина. По-видимому, он действительно не сознавал всей гадости, которую делал.

И Северцов продолжал:

— Положим, вы не понимаете настоящего значения этих скидок... Но на вас есть обвинения более тяжелые... Многие показывают, что вы не выдавали следующих им денег...

Ревизор молчал.

— Ответьте. Ведь это не правда? Вы не обкрадывали матросов?

Краска разлилась в лице Нерпина. В нем был тупой страх пойманного животного, и больше ничего.

— Я эти деньги раздам завтра же.

— А если бы я не узнал, то не роздали бы?! Таким офицерам не место во флоте...

— Я подам в отставку, ваше превосходительство! Не губите, умоляю вас... Не позорьте... Ведь жизнь впереди. Верьте, я больше не поставлю себя в такое положение.

Он был жалок, этот умоляющий, готовый на всякие унижения человек, чтобы только избавиться от оглашения позора — невыдачи

жалованья матросам... Это он считал позором... Но ведь он уплатит, немедленно уплатит...

Адмирал слушал и не чувствовал в сердце сожаления, а ум, напротив, говорил, что такой молодой человек и такой бесчестный не имеет никакого права на прощенье.

И Северцов, не поднимая тона своего тихого и монотонного голоса, сказал:

— Оправдать или обвинить вас — дело суда, а я не смею по долгу службы замять вопиющего дела... Не смею. Прошу вас завтра же сдать должность, удовлетворив жалованьем матросов, списаться с клипера и ехать в Кронштадт. А я представлю управляющему министерством, чтобы всех привлеченных к делу предали суду...

— Ваше превосходительство!.. Разве, погубивши меня, вы... вы спасете что-то?.. Искорените привычку?.. Ну, если я вор, так и выйду в отставку... А другие?.. Они занимают видные места... Все знают, откуда дом, называемый угольным, у адмирала Бедряги... Ведь вы не погубите его... О ваше превосходительство!.. Не отдавайте под суд! — с какой-то на-

стойчивостью отчаяния и страха воскликнул Нерпин.

— Объясните все это суду... Он примет во внимание... А я не смею, лейтенант Нерпин... Поймите это... Можете идти...

— Понимаю, понимаю, ваше превосходительство... Понимаю, что это жестоко, ваше превосходительство!

И с этими словами ревизор выбежал из каюты.

Адмирал, казалось, тоже не мог понять, как этот офицер, без всякого самолюбия и не имевший чувства чести, но все-таки не дурак, не мог понять непоколебимой справедливости адмирала и униженно молил о пощаде.

Точно он мог рассчитывать, что адмирал, уже заслуживший репутацию рыцаря без страха и упрека, будет делать поблажку бесчестным и вредным для флота людям...

И Пересветов, этот естественный вор и палач, тоже воображает, что адмирал, потому что он товарищ, должен мирволить бесчестному. Кажется, мог бы не красть и не запарывать людей! Кажется, мог бы сообразить, что в России новые веяния.

Так просто, благородно и прямолинейно рассуждал Северцов и не без удовлетворенного чувства вспомнил свою безукоризненную службу, щепетильную честность и независимость, благодаря которой он не только не потерялся в толпе, а сделал блестящую карьеру, и в тридцать восемь лет — адмирал, начальник эскадры, а его товарищи только капитаны второго ранга...

И адмирал присел к письменному столу, взял большой лист почтовой бумаги и так начал рапорт морскому министру:

«С глубоким сожалением имею честь донести вашему высокопревосходительству о позорном деле, дознание о коем при сем препровождаю...»

Не успел адмирал написать и страницы своим размашистым почерком, как в каюту вошел флаг-офицер и, осторожно приблизившись к столу, остановился, выжидая, когда занятый адмирал поднимет голову.

Через минуту Охотин доложил:

— Капитан второго ранга Пересветов приехал с берега, ваше превосходительство! А капитан-лейтенант Баклагин явится к вашему

превосходительству в два часа.

— Просите Пересветова ко мне. И скажите на вахте, чтобы никто не входил ко мне.

— Есть!..

— Здравствуй, Егор Егорыч!.. Садись...
И Северцов пожал руку товарища и проговорил:

— Ты, как умный человек, поймешь, конечно, что я должен дать ход дознанию. Знаешь: дружба — дружбой, а служба — службой, — прибавил адмирал, хотя в корпусе никогда ни с кем не дружил.

Егор Егорович тяжело вздохнул, вытер вспотевшую лысину и, словно бы еще не теряя надежды на товарища, старался скрыть свой страх и даже попробовал улыбнуться, когда вздрагивающим голосом проговорил, подсапывая носом:

— Что же, ваше превосходительство, ты хочешь сделать с товарищем?

— Предложить ехать тебе в Россию, Егор Егорыч... А уж там... морское начальство решит: предать ли тебя суду или нет...

— А ты... ты, Николай Николаич... что напишешь? — с мольбой в глазах спросил Пересветов.

— Правду, конечно, Егор Егорыч...

— А именно?

— Прошу суда...

— За что же?.. Ты, значит, поверил показаниям матросов?..

— Не одним их показаниям... Они еще были очень мягки. А показания Баклагина противоречат твоим... Жестокие наказания ты приписываешь только бывшему твоему старшему офицеру...

— И я показывал справедливо... Я никого не засекал... Я, по данному мне уставом праву, приказывал виновных наказывать линейками... Старший офицер увлекался... Это он смотрел, как наказывали Никифорова.

— Баклагин хоть имел мужество не щадить себя, а ты, Егор Егорыч, извини, ведь в своих ответах говорил неправду.

— Я не отрицал, что ревизор меня запутал, Николай Николаич!.. Что ж... я виноват... Но за это не отдадут под суд... И, Николай Николаич... Ты богатый человек и несемейный... А я... Ты думаешь, я запутался в этих делах ради наживы для себя?.. Клянусь, из-за семейного положения... Николай Николаич!.. Ведь я — сам-пят!.. А содержание... Нехорошо, не спо-

рю... Но один, что ли, я?.. Разве нет смягчающих обстоятельств... Что ж ты хочешь по миру пустить мою семью... Так ведь это... того... не по-товарищески... Отдашь под суд... меня выгонят... без пенсии... Ты говоришь: строгость на клипере... Так ведь везде на флоте строго... Прежний адмирал в приказах объявлял благодарность... И всегда я был на хорошем счету. И всегда порол... А теперь я вдруг — изверг... Хорошо... Ну, изверг... Ты приказал не наказывать строго... Не гнаться за быстротой... Ну, я исполню твои приказания... И с этими процентами со счетов, и уголь... Черт с ними... Ну уж если тебе надо показать твою строгость и ретивость молодого адмирала, так отошли меня в Россию по болезни... А то и позор, и нищету... О господи! За что?

И Пересветов больше не мог говорить. Рыдания вырвались из его груди.

«И какой же ты подлец!» — думал адмирал, взглядывая на рыдающего Пересветова, и словно бы не догадывался, что и этот жестокий человек с матросами и казнокрад может быть любящим семьянином. Он забыл, что

можно избавить флот от таких капитанов и без того, чтобы сделать их несчастными и, главное, забыл, что не лица виноваты, а система.

Но адмирал хотел «показать пример» и проговорил:

— Мы разное смотрим на службу, Егор Егорыч. Ты меня не убедишь. Флот наш должен обновиться...

— Из-за того, что я буду с семьей нищим? Я запорол, как ты говорить, Никифорова...

— Да... И за это, и за злоупотребления должен потерпеть кару...

— А ты не запорешь, а сделаешь несчастными многих людей... и скажу как бывшему товарищу: знаешь ли почему? Можно сказать?

— Говори, пожалуйста.

— Из-за своей карьеры... А ты разве не порол марсовых, когда был старшим офицером на «Андромахе» в Черном море?.. Тогда мода была такая... А теперь ты... Что ж, отдавайте под суд, ваше превосходительство! — с отчаяньем в голосе крикнул этот возбужденный страхом трус.

И, злобно бессильный, Пересветов взглянул на адмирала и вышел из каюты.

Адмирал густо покраснел и стал продолжать рапорт.

VI

Пересветов возвращался на берег в Гонконг, хотя и очень расстроенный, но все-таки, по крайней мере, он знал, что с ним хочет сделать адмирал. Известность положения не так волнует, как неизвестность. И, несмотря на объявление Северцова, что он будет просить высшее начальство о предании своего товарища суду, Пересветов не терял еще надежды, что в Петербурге не поднимут дела и не отдадут под суд, а отнесутся «полегче».

И министр, и другие более или менее влиятельные старики адмиралы посмотрят на эти обвинения в жестокости и в злоупотреблениях проще, трезвее и спокойнее «подлеца» Северцова, который готов погубить товарища из-за честолюбивого желания отличиться беспощадной карой.

И когда Егор Егорович представлял себе многих адмиралов, с которыми был знаком не по службе только, а бывал у них в домах и играл с ними в преферанс, когда он вспомнил, что очень любим тестем, тоже старым адмиралом, то Пересветов еще более надеял-

ся, что его не погубят. Ведь многие из них, когда были капитанами, запарывали не одного только матроса и не были без кое-каких слабостей в хозяйстве экипажа: и пользовались даровыми рабочими — матросами, и делали экономии на обмундировании и довольствии нижних чинов. И, когда делались адмиралами, эти капитаны, наводившие прежде трепет на матросов, становились мягче и уж не пользовались — да и не могли — тем, чем пользовались раньше по обычаю, о котором хотя и не говорилось громко, но который не считался чем-нибудь позорным. Вот распустить команду, не держать судна в порядке, долго крепить паруса, ничего не понимать в своем деле — это позор!

Так как же эти почтенные и уважаемые служаки-адмиралы покарают того, кто делал то же, что делали в свое время и они, и попался «в передрыгу» только потому, что имел несчастье нарваться на бессердечную, скрытную «собаку» Северцова и что появились какие то новые веяния — черт бы их побрал! — о которых, однако, не объявили приказом по флоту.

Такие размышления занимали Пересветова, когда он ехал по заштилевшему рейду на адмиральской гичке. И после первой остроты отчаяния и страха за будущее его и его семьи он оправился настолько, что мог обсуждать свое положение.

И тогда-то Егор Егорович мог вспомнить и общность взглядов, правил и привычек большей части дружной морской семьи, воспитанной тем же корпусом, и брезгливость выносить сор из избы, брезгливость да и боязнь, как бы не вызвать неудовольствия высшей власти, и главное, — добродушную снисходительность к своему же моряку, если он попал «в неприятности» не по морской службе и не по серьезному нарушению дисциплины.

«Тогда суди и наказывай!» — мысленно произнес Пересветов.

И будущее теперь казалось ему не таким уже отчаянным, как представлялось после беседы с адмиралом.

Если Егор Егорович и не возносился чрезмерными надеждами, то все-таки надеялся не на что-нибудь ужасное, а только на «пако-сти», хотя и большие.

Уж если и не замнут совсем дела о нем, чтобы не «опрохвостить» этого выскочку-адмирала, имеющего, по-видимому, высокого покровителя в высших морских сферах, — то дадут домашнюю головомойку министр и начальник штаба и будут держать на службе до выслуги полной пенсии и уволят, по прошению, в отставку с производством в контр-адмиралы.

Но чем более смягчалась кара в уме Пересветова при мысли о своей отличной службе, еще недавно засвидетельствованной предместником начальника эскадры, о родственных узах с адмиралом-тестем и о знакомстве со многими адмиралами, которые были не бессердечными, а хорошими и добрыми людьми и «не зевали при случае на брасах», — тем несправедливее казалась эта кара и тем ненавистнее становился в его глазах Серверцов.

Но особенно злился Пересветов на бывшего своего помощника Баклагина.

По мнению бывшего капитана, Баклагин именно благодаря его показаниям и нежеланию помочь своему капитану был главным

виновником того, что вся эта история открылась и с подлым удовольствием раздута адмиралом Северцовым.

Нечего и говорить, что о запоротом Никифорове и о тысяче двухстах фунтах, лежавших в виде чека в кармане, Пересветов в эту минуту не вспомнил.

Зато Егор Егорович злился и, не понимая, чем, кроме подлости или несосветимой глупости, объяснить эти откровенные разоблачения «собаки», старшего офицера, спрашивал себя:

— Какая цель такой подлости? Кажется, я ему ничего дурного не сделал, и... такой подлец!

VII

Пересветов вернулся в отель, сбросил сукно, облачился в чесунчу и стал отпиваться содовой водой с brandy [1]. После нестерпимо палящего зноя на улице — в прохладном, полутемном номере Пересветов несколько отдышался, пересчитал изрядную сумму денег в золоте, написал жене длинное письмо о «подлости» товарища-адмирала и о скором приезде и вышел в контору отеля, чтобы сдать письмо и справиться о дне отхода первого парохода в Европу.

В это время в конторе появился бывший ревизор, лейтенант Нерпин. Вещи его были внесены китайцем-боем гостиницы.

— Под суд еду, Егор Егорыч! Прямо в Россию и под суд, Егор Егорыч! — воскликнул, здороваясь с Пересветовым, молодой красивый лейтенант в щегольском статском платье.

И в лице и в голосе Нерпина была вызывающая, беспокойная наглость, и в преувеличенном смехе слышалась искусственность.

— Как же-с... И вас под суд — скажите по-

жалуйста! И всех нас, грабителей; вас, меня и Подосинникова, старшего механика... С ним и не говорил этот новый прохвост, а приказал передать — уезжать. Верно, и Баклагина отправит в Россию... Он, дурак, сам себя, говорят, описал извергом... Сегодня Баклагина зовет к себе Северцов... Верно, Баклагин еще порасскажет. Может, за откровенность грозный судья и не потребует примерного наказания... Всех, говорят, выдал в своем показании... Нечего сказать, по-товарищески, Егор Егорыч... Каков-с?!

Пересветов озлобленно промолвил:

— Да... Признаться, не ожидал такой... мерзости...

— А еще фыркал... Придирался ко мне... Ревизор, мол, худо кормит... Помните, из-за солонины чуть было скандала не сделал!.. Хорош товарищ... Вроде этого Иуды адмирала. И пожалуй, еще Иуда оставит Баклагина на эскадре... А ведь мы воры... ужасные воры... Он ведь так-таки и намекал мне об этом. Так и хотелось дать ему в морду... да удержался... Не захотел в матросы из-за мерзавца. И какой же скот его превосходительство... Реформа-

тор... Неподкупный... Долг выше всего... Независимый!.. Имеет деньги, так и зудит, подлец. А как сам-то выскочил в адмиралы?.. Я слышал от ревизора на «Проворном».

— А что? — с замирающим любопытством спросил Пересветов.

— Из-за одной пожилой дамы, жены... (и Нерпин даже назвал фамилию какого-то сановника). И карьера оттого... Нелицеприятный! Независимый! — лгал Нерпин, перевирая слышанную им сплетню.

Пересветов теперь уж не останавливал лейтенанта, который хоть и в статском платье, а все-таки не смел по долгу дисциплины так ругать начальника эскадры, и капитан прежде, разумеется, не позволил бы подчиненному таких речей.

Егору Егоровичу, напротив, было приятно слушать брань и сплетни на Северцова, да еще без свидетелей и в конторе иностранного отеля, в которой сидел англичанин-хозяин (конечно, «подлый» и «воображающий о себе»), разумеется, ни слова не понимавший и только недовольно пучивший и без того слегка выпяченные голубые глаза, словно бы на-

ходя, что для разговоров место не «office» [2], а «parlour» [3].

Но еще приятнее и успокоительнее было то, что ревизор, по-видимому, не был в отчаянии и, казалось, далеко не верил возможности быть под судом.

«Положим, Нерпин и легкомысленный человек, но неглупый и ловкий», — думал Егор Егорович и сказал бывшему ревизору:

— Едем, Александр Иванович, на одном пароходе...

— Обязательно с вами, Егор Егорыч... И старший механик вместе, Егор Егорыч...

— Обсудим, как показывать в Петербурге... А вы еще уверяли: не узнает! — не без упрека прибавил Пересветов.

— Да ведь вольно было вам, Егор Егорыч, признаваться... И Подосинников тоже... И какие доказательства? Книги и документы в полном порядке. И какие злоупотребления, если по совести разобрать? Ну, отдавай под суд! Я на суде скажу, что мы не воры... Да, не побоюсь многое сказать... Пусть мне докажут, что мы — воры оттого, что не отдали скидки со счетов поставщикам или консулам. Я объ-

яснил этому упрямому подлецу!.. Он говорит: «Объясните суду». И объясню... Увидят! — не без горячности говорил Нерпин.

— А бог даст, до суда и не дойдет. Что мусор-то перекапывать!

— То-то и я иногда так думаю. А вы как думаете? Под носом у адмирала ревизор на «Проворном» не купит в Гонконге по шести фунтов за тонну угля? И разве скидку не спрячет? Так меня за что под суд!

Наконец Нерпин замолчал, и хозяин обратился к русским офицерам:

— Вам, кажется, я нужен?

Тогда Нерпин стал спрашивать о дне ухода парохода в Европу и о цене мест в первом классе.

Кстати, подошел Подосинников, и Нерпин взял три билета и сказал бывшему своему капитану:

— А вы, Егор Егорыч, одолжите своему ревизору двадцать пять фунтов... А то не хватит до России. В Кронштадте возвращу.

Пересветов поморщился и обещал дать деньги.

— Только в дороге... А то, пожалуй, проса-

дите деньги в Гонконге, Александр Иванович.

Все трое вышли, направляясь в свои комнаты.

Нерпин обещал сейчас же зайти к Егору Егоровичу и в подробности рассказать, как «точил» адмирал. «И все тихо так, спокойно. Этаким фарисей!»

VIII

В эту минуту в дверях своего номера показалось хмурое лицо Баклагина.

Все раскланялись с ним.

— Вы к адмиралу, Леонтий Петрович? — спросил Пересветов.

— К искарриоту? К этой скотине? — задал вопрос и ревизор.

— Потрудитесь вежливее говорить при мне о русском адмирале, — сухо, резко и повелительно произнес Баклагин. — Вы еще флотский офицер, — прибавил бывший «собака» старший офицер.

Нерпин скрылся в свой номер, а Пересветов проговорил:

— На пять минут, Леонтий Петрович!

— Что вам угодно, Егор Егорыч?

И он отворил двери и просил войти своего бывшего капитана.

— Пожалуйста!

И Баклагин указал на кресло.

Пересветов опустился на кресло. Присел и Баклагин.

— Леонтий Петрович! Что вы со мной сде-

лали? — обиженным тоном спросил Егор Егорович.

— Что сделал с вами? — переспросил Ба-
клагин серьезно.

— Вы подвели меня, Леонтий Петрович. И
за что? За что?

— Я не имею привычки подводить. Не по-
нимаю. Как я вас подвел?

— Да вашими показаниями, Леонтий Пет-
рович.

— Вы тоже давали их?

— Конечно.

— Так при чем же мои. Я отвечал на во-
просные пункты по совести и по правде.

— А за вашу правду я иду под суд, Леонтий
Петрович.

— Значит, и я буду под судом. И за себя.
Люби кататься, люби и саночки возить. И вы
не за мою правду пойдете отвечать суду, а за
что — вы сами знаете. Я в показании говорил
о своей жестокости, о том, как я наказывал. О
вас, конечно, не говорил. Это ваше дело гово-
рить за себя.

— Но вообще это не по-товарищески, Леон-
тий Петрович.

— Что не по-товарищески?

— Да как же — эти ненужные подробности о наказаниях... И зачем?.. И ведь вы, Леонтий Петрович, усердствовали... Могли бы и остановить меня, если бы я требовал строгих наказаний, а вы все: «слушаю-с» да «слушаю-с»... И теперь... я во всем виноват... И, наконец, вы даже не хотели исполнить просьбы, чтобы не было претензий, и сказать доктору... А у меня семья, Леонтий Петрович! — прибавил Пересветов.

— У меня другие правила-с. Таких просьб не считал возможным исполнить... Я не ожидал таких просьб от капитана... А что я был жесток не менее вас — знаю... И правду об этом написал в показаниях потому, что не считаю нужным скрывать то, что делал. Надеюсь, можно понять?

Но, по-видимому, Пересветов не понимал. Пересветов поднялся с кресла.

Имея вид оскорбленного и обиженного человека, он проговорил именно то, из-за чего и пришел к Баклагину перед его отправлением к адмиралу.

— Согласен... Не хотели покрыть меня,

Леонтий Петрович... У вас другие правила... Вижу, что вы во многом меня обвиняете... И сознаю, что виноват в смерти Никифорова, и... ну, знаете, как нахально действовал ревизор, и я... одним словом... Но, Леонтий Петрович!.. Вы знаете мое положение... Знаете адмирала и что мне грозят... И я прошу вас...

В голосе Пересветова звучала просительная, приниженная нотка. Лицо его имело выражение побитой собаки.

Баклагин отвел глаза и, вставая, нетерпеливо и удивленно спросил:

— В чем же дело?

— Вы едете к Северцову...

— Да, потребовал...

— Так не говорите обо мне, Леонтий Петрович... Не прибавляйте адмиралу его злобы к товарищу...

— Да что же вы смеее думать обо мне? — вдруг вскрикнул как ужаленный негодующий Баклагин.

И лицо его стало бледным...

— Вы... вы... верно, людей судите по себе?... Так вы ошибаетесь! Я не скрываюсь за спиной другого...

Пересветов торопливо ушел, недоумевающий и испуганный бешеным окриком Баклагина.

С брезгливым чувством взглянул Баклагин на слегка сутуловатую фигуру бывшего своего капитана и через минуту вышел из отеля и поехал на пристань.

IX

У пристани дождал Баклагина вельбот с «Проворного».

Леонтий Петрович вскочил в шлюпку, взялся за суконные гордешки руля и сурово крикнул:

— Весла!

С первого же взгляда вельботных на хмурое и серьезно-строгое худощавое и осунувшееся лицо Баклагина, на длинной фигуре которого «вольное» платье сидело и мешковато и неуклюже, и с одного его отрывистого и повелительного окрика гребцы сразу почувствовали и поняли, что повезут «собаку» старшего офицера. И с первых же гребков навалились вовсю, словно бы хотели показать «собаке», как гребут матросы с «Проворного».

Вельбот быстро шел, разрезая, словно ножом, воду. Гребцы, покрасневшие от гребли и от палящего солнца, гребли артистически, с небольшими и равномерными паузами между гребками, во время которых все гребцы, как один, откидывались назад и поднимались.

И мрачное лицо Баклагина слегка прояснилось.

Прояснилось оно, и когда вельбот приближался к «Проворному» и к «Кречету».

В него и впились загоревшиеся глаза бывшего старшего офицера. И он словно бы выискивал чего-нибудь оскорбляющего его морской глаз, но не находил, и глаза светились любовным взглядом старшего офицера, который восхищался стройным своим клипером с его чуть-чуть наклоненными тремя высокими мачтами, с безукоризненно выправленным рангоутом и белоснежной каймой выровненных коек поверх борта...

И Баклагин отвел глаза, угрюмый и грустный при мысли, что клипер, за которым он так неусыпно доглядывал и заботился, который лелеял и любил, как близкое и дорогое существо. — теперь не его клипер... И все кончено... Служба, которую он любит, невозможна... И еще позор суда...

Да... Он был жесток...

И в смерти Никифорова, и в той почти молитвенной радости матросов, вызванной уходом капитана и его, он словно бы прозрел всю

силу своей жестокости.

Баклагин не переставал думать о том, о чем до смерти Никифорова, в которой себя обвинял, и не думал.

Как он, Леонтий Петрович, — казалось, не злодей же, — сделался таким жестоким и самым неумолимым исполнителем, особенно когда сделался старшим офицером?

Он считал себя честным и правдивым человеком. Он был добродушен и ласков с вестовым и с матросами на берегу, но на судне...

Конечно, без наказаний нельзя во флоте. Но ему теперь казалось, что можно было бы и легче... Он точно не видел, что жизнь на «Кречете» действительно была арестантской... И, кроме того, матросов обкрадывали. Он возмущался, но и только...

«И Пересветов ведь прав!» — с тоской думал Баклагин. Он, старший офицер, действительно усердствовал, во имя чего и перед кем? Мог бы и остановить тогда Пересветова, когда доктор говорил, что Никифоров не выдержит стольких линьков. Мог бы... Должен был... И капитан послушал бы своего старшего офицера, как слушал всегда и во всем по

морскому делу. Баклагин ведь знал, что когда засвежеет или придется штормовать, то трусивший и мало находчивый капитан всегда беспрекословно приказывал то, что под видом почтительных советов приказывал старший офицер.

А между тем...

И какая слепота! Он не догадывался, что ревизор делится... Он не думал, что Пересветов такой форменный подлец... Его же одного обвинял в жестокости и о чем же приходил просить... В какой гнусности подозревал его, не знающего подвохов и лакейства!

Он служил со многими и всякими капитанами, но такого позорного человека, такой подлой душонки не видал, слава богу...

«Проворный» был в нескольких саженьях.

Баклагин стал еще мрачнее. Ему было оскорбительно-неприятно встречаться с знакомыми на корвете...

«Что, Леонтий Петрович? Запорол человека и пожалуйте к адмиралу!» — казалось Баклагину, встретят его на «Проворном», на котором с командой не так обращались, как на «Кречете».

— Шабаш! — скомандовал Баклагин.

Он оставил на банке три доллара.

— Гребцам! — промолвил Баклагин загреб-
ному и поднялся на корвет.

Х

Командир «Проворного», бывший на палубе, подошел к Баклагину, крепко пожал руку и деликатно, ни словом не упоминая о служебной серьезной неприятности, с приветливостью сказал:

— Ну как нашли корвет со шлюпки, Леонтий Петрович? Вы ведь дока... и я дорожу вашим мнением, вы знаете?

— В отличном порядке, Иван Иваныч... Красавец корвет... А я, извините... Адмирал потребовал... Адмирал...

— Да... да, ждет вас... Он, как я знаю, очень ценит в вас отличного морского офицера, Леонтий Петрович, и рыцаря правдивости! — прибавил капитан, который, как председатель следственной комиссии, знал об этом и счел долгом обратить на редкое показание Баклагина внимание адмирала.

Баклагин мысленно поблагодарил командира и попросил вахтенного офицера послать доложить адмиралу.

— Он приказал просить к нему, Леонтий Петрович, без доклада.

Баклагин вошел в адмиральскую каюту.

— Пожалуйте, Леонтий Петрович...

С этими словами Северцов привстал, протянул свою маленькую белую руку и указал на кресло у письменного стола, в глубине каюты, у открытого большого иллюминатора в корме, из которого точно в рамке виднелось море и бирюзовое небо.

— Прикажете папиросу, Леонтий Петрович? — предложил адмирал, пододвигая ящик.

— Очень благодарен, ваше превосходительство. Я привык к своим! — без всякой аффектации почтительности или благодарности, просто, видимо, не путаясь предстоящего объяснения, проговорил Баклагин тем покойным, слегка официальным тоном, каким говорил обыкновенно с начальством.

И достал из кармана объемистый портсигар, вынул толстую папироску и, вложив в янтарный мундштук, не спеша закурил.

Этот хмурый человек словно бы не знал, что может ему предстоять и в какой служебной зависимости находится от адмирала — до того Баклагин был непохож на испуганного

или на представляющегося испуганным подчиненного. Северцов несколько удивленно посмотрел на Баклагина. И вместе с невольным уважением, которое вызывал Баклагин в Северцове, он словно бы рассеивал престиж молодого адмирала в его же глазах. И это сознание было неприятно Северцову. Он как будто терял с Баклагиным тон, которого надо было держаться справедливому, строгому и нелицеприятному адмиралу.

Баклагин невольно помешал внутреннему покойному довольству адмирала. И Северцов, при всей гордости своею независимостью, казалось, был бы более доволен, если бы Баклагин показал себя менее независимым и более чувствующим престиж адмиральской власти, безукоризненной справедливости и редкого повиновения голосу долга.

Его превосходительство несколько секунд помолчал и, слегка краснея от самолюбивого самоудовлетворения тем, что собирался сказать, с обычным своим серьезным спокойствием проговорил:

— Я считаю своим долгом прежде всего выразить вам благодарность за то мужество от-

кровенности, с каким вы ответили на вопросы пункты. По крайней мере, вы не побоялись серьезной ответственности и сознались во всем.

— Я говорю правду, ваше превосходительство, не в ожидании благодарности! — ответил Баклагин.

Северцов покраснел. Он понял, что Баклагин не только не обрадован благодарностью, а, напротив, отклоняет ее.

И, сбитый с позиции, он уже несколько нервнее проговорил:

— Из вашего показания видно, что наказания были жестоки. Вы знали, что закон, допуская телесные наказания, не имел в виду истязаний...

— Знал, ваше превосходительство.

— Но, быть может, вы исполняли приказания капитана?..

— Я и сам наказывал, ваше превосходительство.

— А кем наказан покойный Никифоров?

— По приказанию капитана, но в моем присутствии. И смерть матроса — моя вина... Я мог бы остановить наказание и доложить

капитану, но я этого не сделал.

— Почему?

— Прошу разрешения не отвечать вашему превосходительству! — мрачно сказал Баклагин.

Он подумал: «И как смеешь ты залезать в мою душу!» И адмирал показался ему далеко не симпатичным.

И в ту же минуту Северцову Баклагин показался грубым и не понимающим такого справедливого адмирала, как он.

— Мне очень жаль, что в вас эскадра лишится хорошего морского офицера, но я все-таки обязан представить все дело высшему начальству и просить о предании всех прикосновенных суду.

Баклагин молчал. Ни проблеска желания просить о чем-нибудь адмирала.

И он уже с меньшим спокойствием прибавил:

— Впрочем, я буду просить министра, чтобы вас избавили от суда... Я ведь знаю, что вы были только исполнитель в наказании Никифорова... И ваша прежняя служба...

— Прошу ваше превосходительство отдать

меня под суд. К чему же нарушать справедливость ради меня, ваше превосходительство? Я виноват, и дело... суда покарать! — холодно и сухо ответил Баклагин.

Северцов покраснел и, едва сдерживаясь, несколько возвышая голос и раздражаясь, сказал:

— Это уж мне предоставлена власть. А вас покорнейше прошу отправиться в Россию и явиться к начальству. С богом!

Адмирал поклонился, но не подал руки Баклагину и, когда остался один, почувствовал себя словно облегченным и снова испытывал чувство удовлетворенности и сознания своего престижа.

Баклагин поставил на свой счет памятник матросу Никифорову и после этого вернулся в Россию.

Суда ни над кем не было. Все прикосновенные остались на службе. Только Баклагин сам подал в отставку.

Примечания

Водкой (англ.).

[^^^]

Контора (англ.).

[^^^]

Гостиная (англ.).

[^^^]